

знание о том, что будешь расти дальше. Во всяком случае, в романе именно это ощущение подчёркнуто — в случае Коли Красоткина: очень специфического ребёнка, желающего быть взрослым и учителем, которому мы, читатели, всё прощаем именно потому, что он растущий и меняющийся и очень хотящий расти (и ростом и возрастом): и надо признать, что если бы он был *взрослый* — это был бы преотвратительный персонаж. Именно поэтому так страшно то, что предполагает сделать с людьми великий инквизитор. Он хочет сделать из них детей, которые *не растут* (14, 236).

Старец Зосима, в противовес великому инквизитору, ощущающему себя старшим, высшим и учителем, ощущает себя учеником и младшим. Причём они употребляют одно слово — “младенец”, но великий инквизитор — применительно ко всем другим, а старец Зосима — применительно к себе: “Отцы и учителя, простите и не сердитесь, что как малый младенец толкую о том, что давно уже знаете и о чём меня же научите стократ искуснее и благолепнее” (14, 266). Надо заметить и ещё одно — в романе хорошему учит, как правило, младший старшему: Зосима — таинственного посетителя, Алёша — Митю и Грушеньку, Илюша — своего папу и мальчиков (и Колю, и даже Алёшу), и многих романых персонажей, даже от своего старшего брата Зосима научается хорошему лишь после того, как начинает значительно превосходить его годами. Старший же (по возраст-

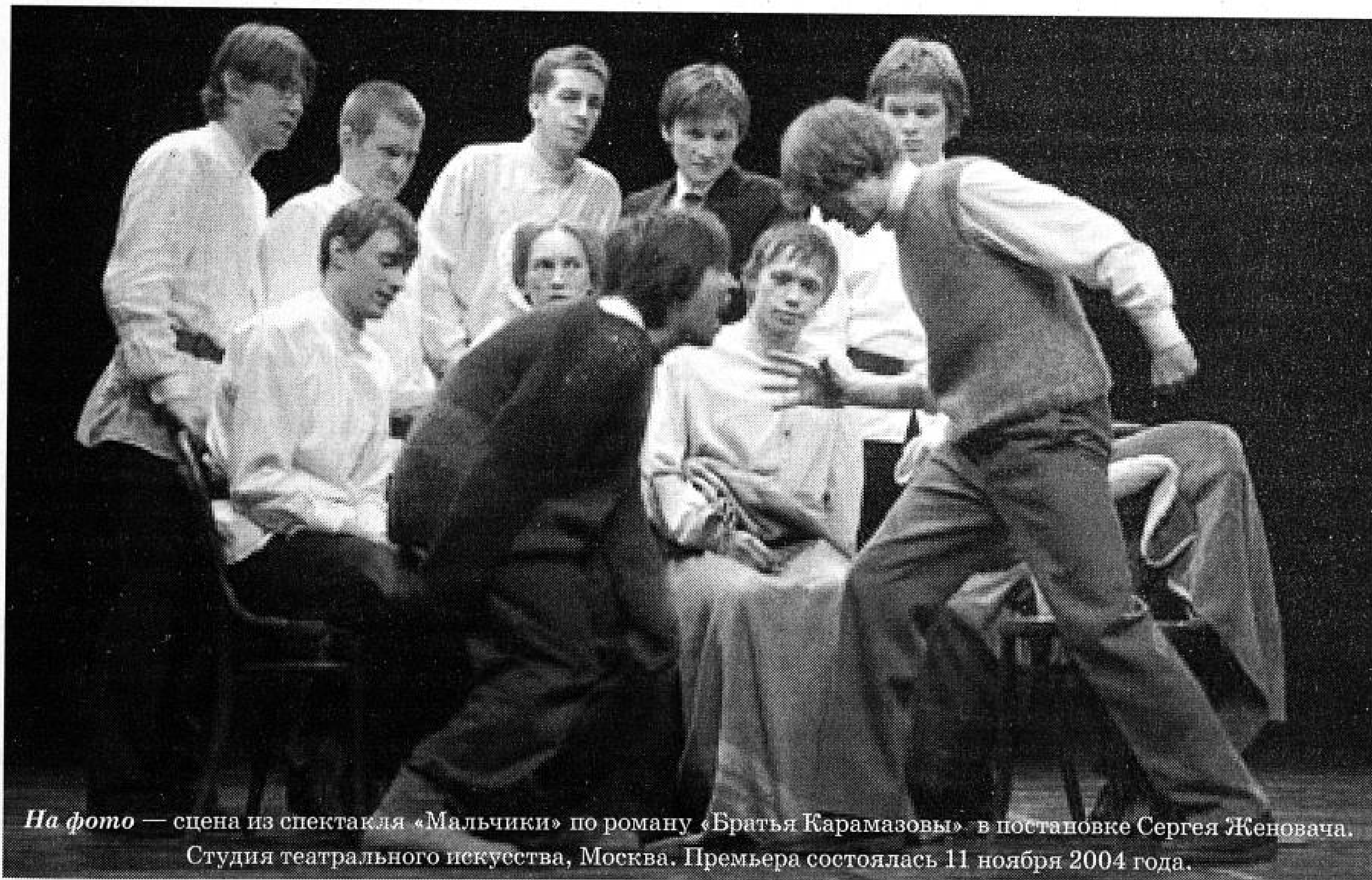
ту или званию) учит младшего плохому — Смердяков Илюшу, Иван — Смердякова, Ракитин — Колю Красоткина, Фёдор Павлович — Ивана и Алёшу... Будучи старшим, научить хорошему можно лишь либо почувствовав себя на равных с обучаемыми (как Алёша с мальчиками), либо — как старец Зосима, “младенчески” проповедуя “отцам и учителям”. И недаром научивший Митю исповеданию в Троице сущего Бога Герценштубе вспомнит о том времени так: “О да, я сам был тогда ещё очень молодой человек... Мне... ну да, мне было тогда сорок пять лет” (15, 106).

Итак, для того чтобы войти в Царство Небесное — надо быть способным расти. В Царство Небесное *врастают*. А расти может сын — не отец. Ученик — не учитель. Отец и учитель *уже* выросли — именно потому, что они *выше* ученика и сына (если уж не ростом — то возрастом или знанием). А растёт тот, кто хочет расти. А хочет расти — опять-таки вспомним Колю Красоткина — тот, кто *ниже*. Стоит нам *перерастить* кого-то (или “всех”) — и мы уже довольны и удовлетворены. Мы прекращаем расти и — перестаём “быть как дети”. И это значит, что Царство Небесное оказывается закрыто для нас. Так что — не называйтесь учителями, отцы и учителя!

Примечания

¹ Цит. по: Толковое Евангелие // Евангелие от Матфея. М., 1870. Репринт — 1993. Кн. 1. С. 423.

² Там же.

На фото — сцена из спектакля «Мальчики» по роману «Братья Карамазовы» в постановке Сергея Женовача. Студия театрального искусства, Москва. Премьера состоялась 11 ноября 2004 года.